

ПАВЕЛ СМОЛИН

КРУГЛОВ

СТАЛИНГРАД

Павел Смолин

Круглов. Сталинград

«Автор»

2026

Смолин П.

Круглов. Сталинград / П. Смолин — «Автор», 2026

Грозный я пережил, а доставку салата «Цезарь» — нет. Курьер на электровелосипеде, удар затылком о бордюр — и вместо дороги к банку под щекой горячая кирпичная крошка. Сталинград. Сентябрь сорок второго. Теперь я младший лейтенант Воронин. Взвод прижат немецким пулемётом, двое убиты, раненый цепляется за мой ремень. Остальные ждут приказа. В прежней жизни я руководил службой безопасности банка. До этого воевал. Помню, как заходить в здание, откуда ждать огня и почему удобное укрытие иногда становится могилой. Проверим, сколько из этого я действительно помню.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Павел Смолин

Круглов. Сталинград

Глава 1

До банка оставалось двести метров, когда мне позвонил начальник охраны.

— Сергей Викторович, тут посетитель требует директора.

— Пусть требует. Директор с девяти.

— Он стекло бьёт.

— Чем?

— Рукой.

— Значит, скоро перестанет. Охранника рядом поставь. Если порежется, вызывайте скорую.

Я убрал телефон и прибавил шаг. Начало рабочего дня обещало быть обычным: обиженный заёмщик, объяснительная от охраны, совещание, на котором опять спросят, зачем банку столько камер. Сорок семь лет, начальник службы безопасности, рубашка, которую вчера погладил сам. Из всех приобретённых за жизнь навыков глажка давалась хуже всего.

У пешеходного перехода стояла женщина с коляской. Я пропустил её и повернул к банковскому крыльцу.

Справа коротко звякнуло.

Я успел увидеть переднее колесо, чёрную перчатку и глаза над медицинской маской. Курьер шёл по тротуару на электровелосипеде. Быстро. Тормозить он начал уже в меня.

Удар пришёлся под рёбра.

Ремень сумки лопнул или соскочил — не знаю. Через плечо курьера вылетела картонная коробка, раскрылась в воздухе. Перед лицом повисли листья салата. Белый соус брызнул на мою рубашку. Один сухарик попал в рот.

«Цезарь».

В Грозном меня не убили. Через двадцать с лишним лет добрался обед с доставкой.

Я ещё пытался подставить локоть, когда затылок ударился о край бордюра.

Хрустнуло.

И всё.

Во рту был кирпич.

Я выплюнул крошку, вдохнул и закашлялся. Вдохнуть ещё раз я не успел: над головой ударило так часто и близко, что я вжал лицо в землю.

Слева кто-то кричал. Слов я не разбирал. В ушах стоял ровный звон, а поверх него шли удары, отдельные, глухие. Под щекой лежал горячий обломок. Я сдвинул голову.

Мимо носа протащили винтовку.

Деревянный приклад. Длинный ствол. Штык.

Винтовку держал человек в пыльной гимнастёрке. Он лежал на боку, подтягивал колени и пытался ползти, не выпуская оружие. На его воротнике темнело пятно. Я сначала принял его за грязь.

Пятно расползлось.

— Не туда! — заорал кто-то совсем рядом.

Человек дёрнулся. Пули подняли пыль за его пятками. Он уронил винтовку и схватился за плечо.

Я протянул руку, взял его за ремень и потянул к себе.

Тело слушалось плохо. Локоть подогнулся, земля качнулась. Я выругался, перевернулся на левый бок и упёрся ногой в кирпичную кладку. Теперь пошло. Ремень натянулся. Раненый скрёб каблуками, помогая мне.

Мы втиснулись за остаток стены. Высотой она была мне по грудь, если сесть. Я садиться не стал.

Очередь прошла над нами. Из верхнего ряда выбило два кирпича.

— Товарищ лейтенант!

У моего лица возник усатый мужчина. Каска сидела у него низко, под подбородком болтался расстёгнутый ремешок. Мужчина открыл рот, что-то сказал и посмотрел на раненого.

Я видел, как шевелятся губы. Звон мешал слышать.

Он схватил меня за плечо.

— Воронин! Слышите?

Воронин.

Почему-то я знал эту фамилию.

Не как знакомую. Как свою.

Я посмотрел на руку, которой держал раненого. Молодая кисть, ободранные костяшки. На левом запястье не было часов. Не было и белого следа от ремешка, который я носил годами.

— Слышу.

Голос тоже был чужой. Выше моего, с хрипотцой.

— Встать можете?

— Если хочешь меня добить, дай пистолет. Быстрее получится.

Мужчина прищурился. Потом отпустил плечо.

— Значит, очухались.

Буров.

Фамилия появилась без предупреждения. Старший сержант Буров. Заместитель командира взвода. Я знал, где у него в сумке карандаш: в боковом кармашке, остриём вверх, обернутый бумажкой. И совершенно не понимал, откуда это знаю.

Раненый между нами захрипел. Буров отодвинул его воротник.

— Демин, руку убери.

— Не могу.

— Я уберу.

Он отвёл ладонь Демина от плеча. Под тканью показалась кровь. Буров вытащил перевязочный пакет, зубами надорвал оболочку.

Я поднял голову на ладонь выше.

Двор. Разбитая кирпичная ограда. За ней — трёхэтажный дом без крыши. Справа обгоревший сарай, слева арка. От стены до арки метров пятнадцать открытого места. По земле лежали люди в гимнастёрках, с винтовками и одним пулемётом. Двое прятались за перевёрнутой телегой. Ещё один вжимался в круглую железную тумбу.

За тумбой укрыться целиком он не мог. Торчали сапоги.

Дальше двор заканчивался проломом. Через него виднелась улица и угловой дом напротив. Из окна второго этажа шли очереди.

Пулемёт бил почти вдоль ограды. Кто залёг у стены, того пока не доставал. Кто пытался добраться до арки, попадал под огонь.

Запах горелого дерева, пыль, кровь. И эта очередь, слишком быстрая для нашего оружия.

Я знал, где оказался.

Только не хотел знать.

— Сколько здесь людей? — спросил я.

— Наших двадцать один. С вами.

— Убитые?

Буров кивнул в сторону пролома.

Там лежал боец лицом вниз. Каска скатилась, открыв светлый затылок. Правая рука ушла под грудь, левая осталась вытянутой.

Я видел, где лёг последний разрыв. Воронка, свежая кирпичная крошка на гимнастёрке погибшего. Меня, должно быть, достало рядом с ним.

— Ещё один у телеги, — сказал Буров. — Двоих ранило. Демина вы притащили. У Савельева нога.

Двадцать один. Двое убитых. Двое раненых. Семнадцать, способных двигаться и стрелять, если считать меня.

— Давно лежим?

— Минут десять. Вас приложило, как во двор вошли. Гиви пробовал прижать, фриц не дал пулемёт поднять.

Мне хотелось спросить год. Город. Какое сегодня число. Что за херня вообще происходит.

Но человек за железной тумбой снова попытался спрятать ноги. Его заметили. Очередь ударила в железо, и он закричал.

Спросить можно было потом.

Если получится это потом заработать.

— Где Гиви?

Буров ткнул пальцем вдоль стены.

Мужчина с широкими плечами лежал на животе за грудой кирпича. Рядом с ним — ручной пулемёт с круглым диском. Второй боец прижимал к земле два запасных диска, обхватив их руками.

До пулемётчика было метров шесть.

— Демина перевяжи. Потом людей к арке, по одному. Жди команды.

— Через двор?

— Сначала посмотрю.

— Уже смотрели.

Я повернулся к нему.

Буров держал повязку на плече Демина. Взгляд у старшего сержанта был тяжёлый и внимательный.

— И что?

— Решили броском. Вы первый пошли.

Я посмотрел на воронку.

Значит, первый уже сходил.

— Второй раз не пойду.

Буров поджал губы, но спорить не стал.

Я пополз к Гиви. На середине пути желудок свело. Остановился, переждал. Земля под мной то поднималась, то опускалась. В носу было мокро; я провёл рукавом и увидел кровь.

Нужно было лежать. Желательно подальше отсюда, с врачом рядом.

Пулемётчик повернул голову.

— Живой, лейтенант?

— Пока.

— Каску поправь.

Каска сползла на затылок. Я подтянул её за козырёк.

— Откуда он бьёт?

Гиви посмотрел на меня с тем же выражением, что и Буров.

— Второй этаж. От угла третье окно. Под ним труба водосточная оторвана.

Я осторожно заглянул через щель между кирпичами.

Окно виделось тёмным прямоугольником. Под ним болтался остаток трубы. Очередная вспышка появилась низко, у подоконника. Немец перенёс огонь к телеге. Один из наших там приподнялся, пытаясь что-то вытащить из-под мёртвого товарища.

— Лежать! — крикнул Гиви.

Наш снова упал.

— Тебе окно отсюда видно?

— Видно. Только и я ему виден, как поднимусь.

Пулемёт лежал справа от кирпичной кучи. Чтобы навести его, Гиви пришлось бы выставить плечи и голову. Слева тянулась ограда. В одном месте снарядом выбило кирпичи у самой земли. Щель была узкой, наполовину забитой мусором.

Я подполз к ней и сунул пальцы под обломок доски.

— Держи ноги.

Гиви поймал меня за голени. Я выдернул доску, отгрёб штукатурку и подтянул к себе расколотый кирпич. Через щель показалась нижняя половина окна. Пулемётчик противника продолжал работать по двору. Сюда пока не смотрел.

— Сможешь лёжа?

Гиви приложился к щели. Рядом подполз его помощник.

— Петруха, сошки сложи. И этот камень убери.

Помощник вытянул пулемёт за приклад, Гиви принял его, положил ствол в щель. Сместился, проверяя, не упирается ли диск в кирпич.

— Низко, — сказал он.

Я подложил под грудь обломок доски. Гиви ещё раз примерился.

— Теперь достаю. Но вправо не поведу. Только окно.

— Другого не надо.

Я оглянулся на арку.

Выход из неё на улицу был завален. Но у дальней стены темнел дверной проём. Если дверь не заперта и коридор сохранился, там можно спрятаться. В худшем случае останемся под сводом. Это всё равно лучше открытого двора.

Беда была в пятнадцати метрах между нами и аркой.

— За тумбой кто?

— Осипов.

— Осипов! Слышишь?

Боец поднял руку, тут же опустил.

— Как наш пулемёт заработает, к арке. Не к нам. Сразу к арке. Понял?

Кажется, Осипов кивнул. Каска скрывала лицо.

— К арке! — повторил я. — Проверишь дверь!

Буров уже повернулся ко мне. Я показал на пулемёт, потом на проход. Он посмотрел на огневую щель и коротко кивнул.

Объяснять всё заново ему не требовалось.

— Сколько в диске? — спросил я Гиви.

— Почти полный.

— Короткими. Не опустошай сразу. Нам ещё раненых тащить.

Гиви прижал приклад к плечу.

— Знаю.

Я дождался, пока немец отпустит спуск.

— Давай.

Наш пулемёт ударил в окно.

Первые пули выбили пыль из простенка. Гиви поправил ствол, дал ещё. Вспышки над немецким подоконником пропали.

— Осипов! Пошёл!

Боец выскочил из-за тумбы, согнувшись почти пополам. До арки добрался в несколько длинных прыжков. На последнем споткнулся, упал на руки и вполз под свод.

С той стороны не стреляли.

Буров толкнул ближайшего бойца. Потом второго. Они побежали с промежутком, как он велел. Один ударился плечом о стену арки, но удержался на ногах.

Гиви дал ещё короткую очередь.

Немец ответил.

Пули ударили в ограду снаружи. Кирпичи перед моим лицом дрогнули, сверху насыпало пыли. Одного попадания в щель хватило бы на нас обоих.

Гиви отпустил спуск. Подождал, пока огонь уйдёт, и снова прижал окно.

Буров пропускал людей. Не всех разом. Каждого придерживал за воротник и толкал, когда предыдущий исчезал под аркой.

Возле телеги осталось двое живых. Один полз к нам, второй возился у раненого Савельева.

— Раненого сюда! — крикнул я.

До телеги от ограды было шага четыре. Я видел, как боец просунул руки Савельеву под мышки, но не мог оторвать его от земли. У раненого зацепилась нога.

Буров посмотрел на меня. Потом на Гиви.

— Прикрой!

И пополз к телеге.

Савельев орал. У него левая штанина ниже колена была порвана, сапог лежал носком в сторону. Буров приподнял край телеги ровно настолько, чтобы второй боец освободил ногу.

Они вернулись к ограде вдвоём, волоча Савельева.

— Демина ведут, — бросил Буров. — Этот сам не пойдёт.

— Унесём.

— Кто понесёт?

Я посмотрел на него, на широкую спину Гиви, на Петруху с дисками. Старший сержант угадал взгляд.

— Вы не понесёте. Вас стошнит посреди двора.

Возражать было нечем.

Из арки махнул Осипов. Указал на дверной проём и исчез в нём. Значит, проход есть.

— Возвращай двоих, — велел я. — Крепких. За Савельевым.

Буров сложил ладони у рта.

— Осипов! Двух сюда!

К нам побежали бойцы. Первый добрался до ограды под огонь Гиви. Второй задержался у входа в арку, дождался очередного подавления и только потом сорвался с места.

Уже понимали.

Савельева положили на расправленную шинель. Один взялся у плеч, второй у ног. Буров подлез под край и помог приподнять.

— Бежать не сможете, — сказал я. — Идите, не сбивайте друг друга.

Боец у ног посмотрел на пятнадцать метров открытой земли.

— Понял.

Гиви сменил диск. Петруха забрал пустой, сунул его в сумку. Они делали это без слов. Я лежал рядом и ждал, пока пулемёт будет готов.

В окне напротив мелькнуло что-то светлое.

Немец снова высунулся.

— Сейчас.

Гиви ударил, и двое подняли шинель. Буров поддержал её снизу, пока они выходили из-за стены, затем отпустил.

Первые шаги сделали быстро. Потом раненый закричал, человек у ног споткнулся и чуть не выронил свою ношу.

— Не стой! — рывкнул Буров.

Они пошли дальше.

Пулемёт напротив снова заработал. Очередь прошла позади носильщиков, вспорола землю. Гиви бил в окно, почти не отпуская спуска. На немецкой стене выступило белое облачко.

Савельева втянули под арку.

Я выпустил воздух. Оказывается, всё это время не дышал.

Остались мы четверо: я, Буров, Гиви и Петруха.

Погибших у пролома и телеги сейчас не забрать. Я посмотрел на светлый затылок. Не мог вспомнить лица. Фамилия тоже не приходила.

— Потом, — сказал Буров.

Я не спрашивал его ни о чём.

— Петруха, иди, — велел я. — Диски заberi.

Помощник посмотрел на Гиви. Тот кивнул, и парень прижал сумку к боку.

Петруха перебежал. Буров остался.

— Теперь вы.

— Я с пулемётчиком.

— У вас под ногами всё ходит. Давайте, товарищ лейтенант. Пока ещё можете.

Я хотел сказать, что не оставляю их.

Только толку от моей головы сейчас было немного. А если упаду, им придётся тащить ещё и меня.

— После меня Гиви. Ты прикроешь винтовкой.

— Прикрою.

Я подтянул колено и встал на четвереньки. Перед глазами потемнело. Пришлось несколько секунд смотреть в землю, пока зрение не вернулось.

Пулемёт снова ударил.

Я поднялся и пошёл к арке. Бежать удалось только с третьего шага. Сапог скользнул на щебне, я выправился, зацепил плечом стену и свалился под свод.

Руки поймали меня за гимнастёрку.

— Тише, тише.

Я оттолкнул их и повернулся к двору.

Гиви уже вытаскивал пулемёт из щели. Буров приподнялся у края ограды и дважды выстрелил. Затвор винтовки щёлкнул. Ещё выстрел.

Немец не отвечал. Я не знал, попал в него Гиви или он просто сменил ленту. Знать было некогда.

Пулемётчик побежал, держа оружие поперёк груди. Под аркой Петруха принял у него ствол, помогая втянуть пулемёт в проём.

Буров перекатился от ограды и поднялся последним.

Очередь ударила, когда он был на середине.

Старший сержант резко пригнулся. Мне показалось, его зацепило. Но он сделал ещё три шага, нырнул под свод и прижался спиной к стене.

Над нами посыпалась штукатурка.

— Все в дверь, — сказал он. — Не толпиться.

Один из бойцов помог мне подняться. Мы протиснулись в коридор, прошли мимо обгорелой лестницы и выбрались в маленький внутренний двор. Здесь стояла кирпичная стена без окон. За ней стрелял пулемёт, но сюда пули не попадали.

Я сел на порог.

На этот раз никто не потребовал встать.

Меня вывернуло почти сразу.

Я успел отвернуться. Из желудка вышла вода и немного желчи. Никакого салата. Я упёрся ладонями в колени, дождался, пока спазм пройдёт.

Кто-то подал флягу.

— Рот прополощите. Не пейте много.

Немолодой боец с медицинской сумкой присел передо мной. Тронул пальцами затылок, проверил глаза.

— Двоится?

— Немного.

— Тошнит?

Я посмотрел на мокрое пятно у стены.

— Заметно.

Он не оценил.

— Кровь из уха есть. Вам лежать надо.

— С раненым что?

— Который?

— Нога.

— Перевязал. Выносить надо. И Демина. На плече повязку насквозь промочило.

— Сделай пока здесь.

— Здесь я уже сделал. Дальше нужен другой человек и другое место.

Он забрал флягу и ушёл к раненым.

Буров стоял рядом. Я посмотрел на его ноги.

— Зацепило?

— Нет. Штанину порвал.

Он показал дыру у колена. Крови не было.

— Людей посчитал?

— Девятнадцать. С вами. Все здесь.

Все девятнадцать добрались до укрытия.

Я откинулся к косяку и нащупал кобуру. Пальцы сами отстегнули ремешок. Пистолет оказался небольшим, тяжёлым, с узкой рукояткой. ТТ. Я вынул магазин, увидел патроны, вставил его обратно.

Движение получилось привычным.

А я до этого держал ТТ всего несколько раз.

— Что дальше, товарищ лейтенант? — спросил Буров.

Я хотел ответить и вдруг увидел кабинет.

Не банковский. Окно, закрытое одеялом, стол без одной ножки, карта, прижатая ножом. Человек с капитанскими петлицами проводит карандашом по кварталу. На рукаве у него прожжённая дырка.

Ершов.

«Дом возьмёте. Через двор не получится — ищите другой подход. Соседям нужен проход вдоль стены. На улице их режут».

Карандаш тыкал в прямоугольник на карте. Возле него была цифра, но я не смог её разглядеть. Чужое воспоминание оборвалось так же внезапно, как появилось.

Я помнил дом. Четыре этажа. Сбитый верхний угол. Широкие окна первого этажа, заложённые кирпичом только наполовину. Вход со двора.

Мы шли занимать его.

— Дом, — сказал я.

— Дом, — подтвердил Буров. — Приказ остался.

В его голосе ничего не изменилось. Он мог бы добавить, что я только что едва не угробил взвод на подходе. Не добавил.

Я поднялся. Стена помогла удержаться.

— Отсюда к нему можно выйти?

— Осипов смотрит.

— Пусть вернётся. Один дальше не пойдёт.

Буров послал бойца в дальний проход. Гиви сидел под стеной и протирал затвор. Петруха раскладывал диски, проверял, не набилась ли в них крошка. Остальные набивали патронами обоймы, осматривали винтовки, поправляли снаряжение.

Никто не спрашивал, почему всё так получилось.

В банке обязательно спросили бы.

Я провёл рукой по лицу. Молодая кожа. Ни щетины, которую утром не успел сбрить, ни старого шрама у виска. Под пальцами на воротнике была петлица. Я опустил глаза: один металлический кубик.

Младший лейтенант.

Алексей Воронин.

Имя тоже нашлось. Двадцать четыре года. Ещё совсем недавно я думал, что в двадцать четыре люди ничего не понимают и только мешают работать.

Теперь это были мои руки.

Осипов вернулся быстро.

— Есть проход. Через следующий двор. Оттуда стена до самого дома.

— Простреливается?

— Там тихо.

— Я спросил, простреливается ли.

Боец помолчал.

— Не знаю.

— Покажешь. Буров, людей пока держи здесь. Гиви со мной.

Пулемётчик поднял голову.

— Петруха тоже.

— Тоже.

Буров посмотрел мне в глаза.

— Дойдёте?

— Медленно.

Он не стал возражать. Только жестом подозвал стрелка с винтовкой.

— С командиром пойдёшь. Если упадёт — назад тащить. Понял?

— Понял.

Мне это не понравилось.

Но я промолчал.

Мы прошли под низкой перемычкой. Осипов двигался первым, показывая, куда ставить ноги. За ним я. Гиви и Петруха несли пулемёт и диски. Замыкающий несколько раз остановился, проверяя наш тыл.

Следующий двор был завален досками. На верёвке между стенами висела одна наволочка. Белая сторона закоптилась, нижний край так и остался чистым. Под ней лежал выгоревший матрас.

Целых стен здесь оказалось две. Одна прикрывала нас от углового дома, другая тянулась к назначенному зданию. Сверху на неё упала балка, но проход вдоль основания сохранился.

— Вот, — шепнул Осипов.

Из-за стены виднелся вход в четырёхэтажный дом. До него метров двадцать. Над дверью уцелел козырёк. Под ним — темнота. Ни движения, ни огня.

Тихо.

Перед нашим первым входом во двор пулемёт тоже молчал.

Я присел, опираясь на стену. Теперь видел низ здания. Узкие подвальные окна, земля перед ними, несколько кирпичей. К одному окну была приставлена сорванная дверь.

Другие оставались открытыми.

— Гиви, здесь, — сказал я. — Прикрой вход. Осипов, назад. Скажи Бурову: подход нашли. Людей пока не вести.

Связной кивнул и ушёл.

Петруха расчистил место для сошек. Гиви лёг за пулемёт, посмотрел на дверь, на окна.

— Чисто пока.

Я поймал себя на желании встать и быстро добежать до входа. Всего двадцать метров. Укрытая стена. Хороший подход.

И уже собирался встать.

В подвальном окне что-то сдвинулось.

Дверь, приставленная снаружи, едва заметно приподнялась. Внизу, над самой землёй, появился чёрный конец ствола.

— Назад!

Я схватил Петруху за ремень и дёрнул на себя.

Из подвала ударили.

Пули прошли там, где только что были его колени, разбили кирпичи у стены. Гиви открыл огонь, и я прижал голову помощника к земле.

Ствол в подвальном окне ещё дёргался.

Дом нас ждал.

Глава 2

Петруха пытался подняться. Я держал его за ремень и не пускал.

— Лежи!

Гиви дал очередь в подвальное окно. С приставленной двери полетели щепки. Немецкий ствол ушёл внутрь, но через соседнее окно тут же ударили снова.

Я отпустил Петруху.

— Назад, ползком. Пулемёт не бросать.

Помощник потянулся к сошкам. Гиви перехватил его руку.

— За приклад бери.

Они вытащили пулемёт вместе. Я сдвинулся следом, не поднимая головы. Стрелок, которого приставил ко мне Буров, лежал у поворота и смотрел вверх винтовки. До него оставалось шага четыре.

— Нас пропусти. Потом сам.

Пули били в стену. Вся дорога, которую мы только что считали укрытой, оказалась видна из подвала. Противник подпустил нас и открыл огонь, когда Гиви устраивал пулемёт на позиции.

Отходить было проще: за поворотом нас уже не доставали.

Я дополз до стрелка, перевалился через обломок балки и поднялся на колени. Гиви прошёл мимо, пригибаясь. На правой руке у Петрухи висел лоскут рукава.

— Ранен?

Парень посмотрел на рукав.

— Нет.

— Проверь.

Он сунул пальцы под ткань, вытащил чистыми.

— Нет, товарищ лейтенант.

Замыкающий отступил к нам. Мы вернулись во внутренний двор.

Буров встретил у прохода.

— Осипов сказал, подход есть.

— Есть. Немцы его тоже нашли.

Я прислонился к стене. Сразу стало легче. Не хорошо, просто легче.

— Подвал занят. Минимум две точки. Вход они прикрывают. С этой стороны людей не вести.

Буров посмотрел на порванный рукав Петрухи.

— Понял.

Гиви сел рядом с пулемётом, осторожно повернул его на бок. Петруха полез в сумку за ветошью.

— Набилась? — спросил я.

— Снаружи. Внутрь не пустили.

Пулемётчик посмотрел на меня.

— Из этого окна я его не прижму. Стреляю — кирпич разбиваю. Он ниже сидит.

— Видел.

Теперь у нас было девятнадцать человек, два раненых, один пулемёт и приказ взять дом. Приказ достался вместе с чужим телом. Средств для исполнения к телу не приложили.

— Гранаты сколько? — спросил я.

Буров ответил сразу:

— Девять. Ручных. Ещё две бутылки.

— Где ротный?

— На прежнем месте должен быть.

Прежнее место я не помнил. Кабинет с картой видел, дорогу до него — нет.

Я подозвал Осипова.

— До капитана проведёшь?

— Если он там.

— Проведёшь, значит. Буров, остаёшься за меня. Двоих на наблюдение. Одного сюда, другого к повороту. Не к самому дому. Смотреть подходы, не высовываться. Остальным отдыхать по очереди.

— Штурмовать пока не будем?

— Пока не будем.

Старший сержант кивнул. На лице у него ничего не изменилось, но плечи чуть опустились.

Санитар оторвался от Савельева.

— Вам к капитану или к врачу?

— Начну с капитана.

— С врача лучше.

— Как тебя зовут?

Он несколько секунд смотрел на меня.

— Михаил.

Миша. Я вспомнил его руки: большие, с короткими ногтями. Вспомнил, как он растирал ладони на холоде. Когда это было, не знал.

— Голова, — сказал я, коснувшись каски. — Некоторые вещи вылетели.

— Заметно. Поэтому и говорю: к врачу.

— Найду, кто Савельева примет. Ты пока с ним.

Миша подтянул ремень сумки.

— Если опять вырвет, остановитесь. Если упадёте, пусть не трясут и не ставят на ноги. Лечь на бок. Осипов, слышал?

Связной кивнул.

Я вышел из двора, так и не получив разрешения уйти. Одобрение Миши, судя по всему, нам в ближайшее время не светило.

Дорогу Осипов выбирал долго.

У первого пролома остановился, прислушался и повёл меня обратно. Во втором дворе нас не пустили свои. Из подвального окна высунулась винтовка, затем лицо в грязных бинтах.

— Куда?

— К ротному, — ответил Осипов. — Здесь проходили.

— Больше не пройдёте. В конце улицы фриц.

— Когда?

— Пока вы гуляли.

Мы обошли этот квартал через две квартиры. У одной стены не было, другая сохранила даже дверь между комнатами. На дверной ручке висела дамская сумочка. Из неё торчал гребень.

Я зацепил сумочку плечом. Она упала. Поднимать не стал.

Осипов остановился у края разрушенной комнаты, лёг и показал мне рукой то же самое. Через улицу предстояло перебежать метров восемь. За ней торчал обломок ворот.

— По одному, — сказал он.

— Вижу.

Сначала ушёл он. Я дождался, пока связной скроется за воротами, и встал.

Голова отозвалась тупой болью. Я дал ей несколько секунд и перебежал. На той стороне пришлось сесть прямо на землю.

Осипов протянул руку. Я покачал головой.

— Сам.

Он убрал руку и посмотрел в сторону реки.

Я тоже посмотрел.

Между развалинами открылась вода. Широкая, с дымом над ближним берегом. Дальняя сторона лежала низко; за ней поднималось светлое небо. Посреди реки двигалась маленькая чёрная точка. За ней тянулся белёсый след.

Волга.

Я узнавал её не по берегам. Ни одного из этих берегов раньше не видел. Название пришло вместе с ощущением мокрой гимнастёрки, тесного борта и чужого локтя у лица. Кто-то дышал мне в ухо, пахло соляжкой. В темноте нельзя было понять, сколько ещё до суши.

Воронин уже переправился.

Я не переправлялся. Но помнил, как держал винтовку над водой.

— Долго здесь? — спросил я Осипова.

— В городе?

— Да.

— Второй день. Вы ж с нами были.

Он посмотрел на мою каску и больше ничего не добавил.

Я поднялся.

Штабной подвал нашли не сразу. В доме с кабинетом уже горело. Одеяло, закрывавшее окно, торчало из выбитой рамы. Над ним лизал стену огонь.

Осипов выругался, обошёл дом и заглянул в приямок.

— Есть кто?

Изнутри ответили. Нас провели через заднюю дверь, вниз по ступеням.

Капитан Ершов сидел на перевёрнутом ящике. Карту перенесли сюда, разложили на двери. Один край двери лежал на табурете, другой на кирпичках. Возле стены связист крутил ручку телефонного аппарата.

— Воронин? — Ершов поднял голову. — Что с домом?

Я доложил. Коротко: огонь с углового здания, потери, отход из двора, две точки в подвале, подход вдоль стены простреливается.

— Взяли хоть часть?

— Нет.

Капитан провёл ладонью по лицу. На рукаве была та самая прожжённая дырка.

— Соседи к проходу не выйдут, пока там немцы. У них раненные лежат. На улицу сунулись — ещё троих положили.

— Нужен другой заход. С этой стороны они нас ждут.

— С другой стороны у нас никого.

— Проверим через соседний двор. И нужны гранаты. Девять осталось.

Ершов посмотрел на меня внимательнее.

— Тебя задело?

— Контузило. Сознание терял.

— На медпункт сходи.

— Схожу. Савельева надо вынести, нога. Демин в плечо. Санитар просит эвакуацию.

Капитан подозвал бойца у лестницы.

— Двух носильщиков найдёшь. На обратном пути с Ворониным. Заберёте лежачего. Санитар покажет.

Тот кивнул и ушёл.

— Демин идти может? — спросил Ершов.

— С помощью.

— Пусть фельдшер посмотрит. Всех снять не могу. Но если отправлять надо — отправляйте.

Связист опять закрутил ручку. Ответа не было. Он посмотрел на капитана, тот отмахнулся.

— Провод проверять пошли?

— Пошли.

Ершов придавил пальцем угол карты.

— Взвод пока держи. Не давай им выйти к нашему двору. Увидишь движение — докладывай. Соседний проход проверь. До вечера надо в дом вцепиться, хотя бы в нижний этаж.

— Поддержка будет?

— Пулемёт у тебя есть.

— Он в подвальное окно не достаёт. Миномёт бы.

— Миномётчиков запрошу. Когда смогут, не знаю. Там свои недалеко, сначала мне подходы покажешь.

Он наклонился над картой, отмечая карандашом место. Я смотрел на изгиб берега, на квадраты кварталов. Возле руки капитана лежал небольшой лист с записью.

«16.9.42».

Число я прочитал дважды.

— Сегодня шестнадцатое? — спросил я.

Ершов поднял глаза.

— Сегодня. Ты всё-таки на медпункт зайди.

Шестнадцатое сентября. Сорок второй год.

До ноября далеко. До февраля ещё дальше.

Ноябрь и февраль я помнил. Примерно. Военные операции, стрелки на школьной карте, окружение, капитуляция. Где на этой карте находился дом, из которого нас только что встретили, я не знал.

Я знал, что Сталинград удержат.

Про Воронина в учебнике не писали.

— Боеприпасы у берега получать, — сказал капитан. — Найдёшь старшину Лукина. Скажешь, от меня. Если гранаты пришли — даст. Осипов место знает.

— Понял.

— И врача.

— Понял, товарищ капитан.

Ершов уже повернулся к связисту. Разговор закончился.

К реке мы спустились по оврагу.

Сначала под ногами был кирпич, потом сухая земля. В узком месте приходилось идти боком, прижавшись к склону. Навстречу подняли носилки. Осипов отступил, я помог придерживать заднюю ручку, пока носильщик переставлял ноги.

На носилках лежал человек без сапог. Ступни были укутаны серой тряпкой. Он смотрел на меня и шевелил губами.

— Воды просит? — спросил я.

— Не давать, — ответил носильщик. — Живот.

Мы разминувшись.

Ниже, в углублении под склоном, устроили перевязочное место. Бинты сушились на палке. Возле входа сидел санитар и обрезал ножом штанину. Раненый придерживал край ткани, чтобы тот не касался раны.

Меня посадили рядом.

Врач оказался женщиной с коротко стриженными волосами. Гимнастёрка на плечах сидела свободно, рукава были закатаны. Она выслушала, что произошло, осмотрела ухо и вытерла подсохшую кровь.

— Ударной волной повредило. Левым хуже слышите?

— Хуже.

Она проверила глаза, велела вытянуть руки, пройти несколько шагов.

На третьем меня повело вправо.

— Достаточно. Ложитесь.

— Надолго?

— Пока не посмотрю ещё раз.

Я лёг на свободное место у стены. Осипов присел у входа.

Несколько минут ничего не происходило. Земля подо мной больше не двигалась. Боль в голове осталась, но уже можно было думать, не держась за какой-нибудь предмет.

Я закрыл глаза.

Бордюр. Сухарик. Чужое лицо над чёрной маской.

Открыл.

Вдоль стены лежали раненые. Ближайший держал в руке кисет и пальцем пытался подцепить тесёмку. Второй смотрел на его пальцы. Третий спал или был без сознания.

Я жив. Сергей Круглов жив — если именно это так называется. Алексей Воронин тоже был здесь, в памяти, в движениях рук. Только спросить его нельзя.

Пришлось оставить это как есть.

Снаружи закричали. Осипов встал, вышел и тут же вернулся.

— Лодка идёт.

Со стороны воды донеслись два разрыва. Не близко, но врач подняла голову.

— Ты сюда раненых не веди, — сказала она связному. — Сначала санитару покажи. Здесь уже некуда.

Я сел.

— Рано, — сказала врач.

— Боеприпасы получить надо.

— Получите. Сначала посидите. Опять затошнит — обратно ложитесь.

Я посидел. Потом встал, держась за стену. На этот раз не повело.

Врач смотрела, как я застёгиваю кобуру.

— Оглушённое ухо не ковырять. Воду в него не лить. Рвота вернётся, станет хуже видеть — ко мне. И самому в атаку сейчас не лезть.

Я кивнул.

— Это не согласие для вежливости, лейтенант.

— Слышал.

Она посмотрела на моё левое ухо.

— Надеюсь.

У берега теснились люди. Они прятались между бочками, в ямах, за остатками пристани. На воде к нам шла моторная лодка. Нос низкий, борта облеплены людьми. Посреди лежали ящики, поверх них сидел боец с бинтом на голове.

Ближе к берегу мотор захлебнулся и замолчал.

Лодку развернуло боком.

Человек у кормы дёргал что-то внутри. Другой взял весло, но свободного места для гребка почти не было. Течение сносило их ниже.

Со стороны города глухо ударило. Над водой, позади лодки, поднялся столб брызг.

В яме рядом кто-то выругался.

— К берегу! — кричал человек у кормы. — Носом к берегу!

Он кричал своим, но стоявший возле меня старшина уже вытягивал бухту верёвки.

— Кто свободный, сюда!

Осипов первым спустился по грязному откосу. Я пошёл следом, ухватился за вбитый в землю кол и помог старшине вытянуть верёвку из-под пустого ящика.

На лодке увидели нас.

Человек с веслом замахнулся и бросил конец. Не добросил. Верёвка упала в воду.

Осипов шагнул глубже. Вода дошла ему до пояса. Он поймал мокрый конец, вытащил и передал наверх.

— Не на шею, на кол! — рявкнул старшина кому-то за моей спиной.

Мы потянули. Лодка медленно повернулась носом к нам. Волна ударила в борт, и сидевший на ящиках раненый сполз внутрь.

Я упёрся сапогами. Верёвка резала ладонь, пальцы разжимались. Помог другой боец — взялся впереди меня, ниже, удержал рывок.

Вода снова вспухла. На этот раз ближе. Брызги дошли до берега.

— Держать! — кричал старшина. — Держать, мать вашу!

Лодка ударилась носом о грунт. Осипов ухватился за борт. Изнутри вылезли двое, вместе с ним придержали её.

— Ящики сначала! — крикнул человек с берега.

— Человека сначала! — ответил старшина.

Он ткнул в раненого, лежавшего поперёк прохода. Того подхватили под мышки, передали Осипову и ещё одному бойцу. Мне досталась винтовка. Я отнёс её выше, положил рядом с владельцем.

У раненого на виске промокал бинт. Другую руку он держал прижатой к груди.

— Как зовут? — спросил я.

Он посмотрел на меня, но не ответил.

— На подходе осколками взяло, — сказал лодочник. — Ещё один у кормы. Того осторожно.

Ящики пошли по рукам. Тяжёлые, неудобные, мокрые. Люди вытягивали их из лодки, тащили к ямам и возвращались.

Я взял один край. С другого держал старшина. Донесли до углубления под склоном, поставили. Из воды торчали ещё два бойца. Они не выпускали борт.

Мотор наконец заработал. Лодочник заглушил его, махнул санитару: на обратную дорогу грузили раненых с берега.

Я посмотрел на реку.

На той стороне не было огня. Во всяком случае, отсюда я его не видел. Туда можно было уехать. С контузией, кровью из уха, медицинским направлением. Врач наверху, наверное, даже не стала бы спорить.

Я видел, куда кладут второго раненого из лодки. Лицо у него было совсем белым, брюки насквозь промокли. Санитар обрезал ткань, проверяя ногу.

Пока я смотрел, места на обратную дорогу заняли.

Старшина присел возле ящика и вытащил из кармана промокшую бумагу.

— Ты чей, лейтенант?

— Ершова. Лукин нужен.

— Я Лукин. Чего надо?

— Гранаты, патроны. Девятнадцать человек, двое раненых. Дом берём.

— Все дом берут.

Он сложил бумагу и осмотрел ящики.

— Какие патроны?

— Винтовочные. На ручной пулемёт тоже.

Лукин подозвал бойца с молотком. Тот сбил крышку с одного ящика. Внутри под бумагой лежали пачки.

— Бери. Унесёте сколько?

Я посмотрел на Осипова. С гимнастёрки связанного стекала вода, сапоги хлюпали при каждом шаге.

— Один ящик вдвоём.

— Вдвоём далеко не уйдёте. Расфасуем.

Лукин нашёл два пустых мешка. Патроны переложили, оставив часть в ящике. Гранаты оказались в соседнем. Старшина отсчитал шесть корпусов, отдельно передал завернутые запалы.

— До Бурова в упаковке донести, — сказал я Осипову.

— Знаю, товарищ лейтенант.

Связной приподнял оба мешка и взял тот, что был тяжелее.

Я это заметил. Он заметил, что я заметил, и сделал вид, будто поправляет ляжку.

Спорить не стал.

Обратно поднимались медленнее.

Лодка уже уходила. Мотор стучал неровно. Внутри теперь лежали люди, и никто не сидел на ящиках. Санитар на корме держал раненого за плечо, чтобы того не раскачивало.

У перевязочного места нас окликнули.

Миша стоял рядом с носилками. Рядом — два бойца, которых прислал Ершов. На носилках лежал Савельев, укрытый шинелью. Из-под неё торчала нога с привязанными досками.

— Донесли? — спросил я.

— Как видишь.

Миша посмотрел на наши мешки.

— Положи.

— Что?

— Мешок. Носильщик руку сорвал. Ему груз легче, чем ручку держать. До перевязочной донесёшь.

Один из бойцов прижимал правую кисть к боку. Из рукава капала кровь.

Я поставил мешок. Боец поднял его левой рукой, закинул на плечо.

— Я же могу, — сказал он Мише.

— Можешь. Сразу за лейтенантом пойдёшь.

Я взялся за переднюю ручку носилок. Осипов хотел подойти, но Миша отослал его за санитаром.

— Здесь недалеко, — сказал он мне. — Не спеши.

Недалеко было метров тридцать. Половина — вверх.

К пятнадцатому метру у меня дрожали предплечья. Я остановился, предупредил второго носильщика и осторожно поставил свою сторону. Савельев открыл глаза.

— Товарищ лейтенант?

— Я.

— Винтовку оставил.

— Буров забрал.

— Точно?

Я не видел, как он забирал. Но видел оружие у стены, когда мы уходили.

— Точно.

Савельев закрыл глаза.

Мы донесли его до перевязочного места. Там носилки приняли. Миша коротко объяснил рану, отдал записку. Врач, осматривавшая меня, даже не подняла головы. Смотрела на ногу.

Я шагнул к стене, освободил проход.

— Демин где? — спросил я у Миши.

— У Бурова. Повязку поправил. Пока держится. Ещё раз промокнет — вести сюда.

— А ты почему Савельева сам привёл?

— Потому что его нога на дороге однажды уже зацепилась. Второй раз не надо.

Он подтянул медицинскую сумку. Вышли мы вместе.

В расположении взвода осталось восемнадцать человек. Демин с нами, Савельев на перевязочном пункте. Двое убитых в прежнем дворе.

Имена погибших я спросил у Миши по дороге.

— Рябов и Сухов, — сказал он. — Рябова ты рядом с собой видел. Сухов у телеги.

Я повторил про себя.

Чужая память не помогла. Пришлось запомнить самому.

У разбитых ворот нас ждал боец с двумя флягами. Увидев Мишу, протянул одну.

— Сказали набрать. Там воды нет.

— Где набрал?

— У повара. Кипячёная.

Миша взял флягу, встряхнул.

— Полная?

— Полная.

— Тогда чего трясёшь? Донеси.

Боец забрал её и пошёл впереди. Осипов держался за ним. Я шёл последним, стараясь смотреть под ноги. К краю каждого пролома сначала подходил кто-нибудь другой. Мне оставалось ждать сигнала.

За поворотом, откуда уже был виден наш внутренний двор, нас встретил ещё один связной. Этот бежал навстречу, застёгивая на ходу подсумок.

Увидел меня и остановился.

— Товарищ лейтенант! Буров велел искать.

— Что у вас?

— В дом немцы пришли. С переулка. Наблюдатель видел.

— Сколько?

— Семь прошли. Потом ещё. Пулемёт принесли.

Я поставил мешок с патронами у стены.

Связной дышал ртом. За его спиной слышались голоса наших. Не стреляли.

— Нас не заметили?

— Вроде нет. Буров людей отвёл от прохода. Двое смотрят.

Я отстегнул кобуру, проверил пистолет и снова застегнул. Просто чтобы руки что-то делали, пока я думал.

Дом стоял там же.

Только брать его теперь было труднее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.